

КНИГА ЗА КНИГОЙ

В. Чаплина

КИНУЛИ

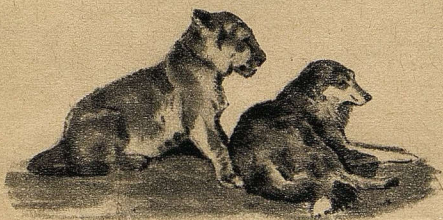
ДЕТГИЗ • 1950

1-КХ
К Н И Г А З А К Н И Г О Й

В. ЧАПЛИНА

4-193

К И Н У Л И

Рисунки Г. Никольского

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1950 Ленинград

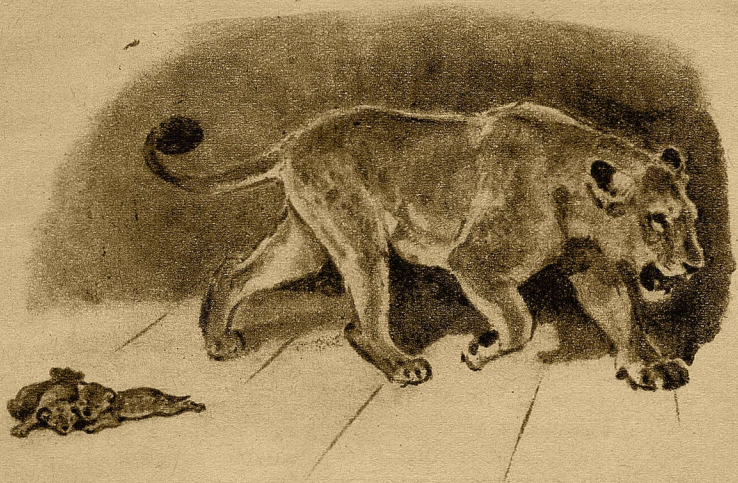
50411

1957-58 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТЕЙ И ЮВЕНА
ДЕТГИЗА

662483 кх - редк.

Российская государственная
детская библиотека

БЕЗ МАТЕРИ

Кинули — это львёнок. Родился он в Зоопарке.

Назвала я его так потому, что его кинула мать. Почему львица не стала кормить детёнышей, сказать трудно. Они ползали по клетке, пищали, а она ходила мимо них и как будто не замечала. На другой день после рождения двое львят погибли, третьего львица загрызла сама, а четвёртого успела взять я.

Львёнок был совсем холодный и не двигался. Можно было подумать, что он мёртвый, и только ещё чуть заметное дыхание говорило, что он жив. Надо было как можно скорее его согреть. Но где и как, я не знала. Потом вспомнила: в страусятнике стоял инкубатор, в нём выводили цыплят, и вот в него-то и решила я положить своего львёнка.

Быстро вынула яйца, постелила тряпочку. Это был, пожалуй, единственный случай, когда вместо яиц в инкубатор положили львёнка.

В этот день я домой не пошла, осталась дежурить при львёнке, а чтобы дома не беспокоились, позвонила и сказала, чтобы ждали меня завтра со львёнком. Мама только ахнула, а соседка, которая взяла трубку, как узнала, что я хочу привезти домой льва, такой подняла крик, что сбежалась вся квартира.

Потом все наперебой кричали, что меня выселят, что заявят в милицию, и вообще было столько крику и угроз, что я не дослушала и поскорее повесила трубку.

На другой день я отправилась со своим новым питомцем домой.

Шёл дождь. Было холодно. Чтобы не простудить львёнка, я положила его за пазуху и села в трамвай. От движения ли трамвая или оттого, что меховая подкладка моей шубы напомнила ему мать, — не знаю отчего, но только львёнок завозился.

Напрасно я старалась незаметно поглаживать малыша, чтобы его успокоить, — ничто не помогало. Он больно царапался острыми коготками, старался выкарабкаться и вдруг пронзительно мяукнул. Мяукнул, если только можно так назвать этот протяжный хриплый звук, похожий на скрип большой двери.

Все пассажиры обернулись и с удивлением посмотрели на меня. Не ожидая, пока обратит внимание кондуктор, я поспешила выйти на площадку.

За мной вышел какой-то гражданин. Он помялся и нерешительно спросил, кто так страшно кричал у меня за пазухой. Пришлось показать львёнка и рассказать, откуда его взяла. Пока я доехала до площади Пушкина, у меня перебивал весь вагон. Все хотели посмотреть львёнка, а когда я слезла, высунулся кондуктор и закричал: «Гражданка, что же вы мне не показали?» Пришлось показать и ему.

По дороге я зашла в аптеку, чтобы купить соску. Мне нужна была самая обыкновенная соска, которой поят грудных детей. Долго рылась я в сосках. Одна казалась слишком жёсткой, другая — большой, третья — маленькой. Продавщица мне меняла их несколько раз. Но я всё никак не могла подобрать годную. Наконец продавщица потеряла терпение и заявила мне, чтобы пришла выбрать соску сама мать. Пришлось ей объяснить, что мать — львица, сидит в клетке, а каждая потерянная минута может стоить львёнку жизни. В доказательство пришлось показать львёнка.

Я никогда не думала, что это может произвести такое впечатление. В одну минуту передо мной лежали все соски аптеки. Вероятно, у продавщицы это был первый случай, когда она продавала соску не человеческому, а звериному детёнышу.

Тут общими усилиями мы выбрали подходящую соску, и я отправилась домой.

Дома нас ждали все соседи.

Но в этот день я львёнка никому не показала. Нужно было приготовить ему местечко, согреть его, накормить. Ящика у меня не было. Пока мой сынишка Толя выбрасывал из чемодана вещи, я отпарывала от своей шубы мех. Он напоминал шерсть львицы, и Кинули лежала в нём спокойно.

Тельце новорожденного не выделяет достаточного тепла. Наверное, каждый видел, как подпихивает под себя детёнышей собака, согревая их своим телом. У львёнка матери не было, и чтобы согреть его, я клала бутылки с кипятком под мех подкладки, накрывала одеялом, и львёнок лежал в этом гнёздышке, как будто около матери.

Слух о том, что у меня живёт лев, облетел весь наш дом и перелетел к соседям. Приходили какие-то незнакомые люди поодиночке, компаниями, долго извинялись и просили показать им льва. В комнату они входили осторожно, на цыпочках. Смотрели на львёнка с некоторым разочарованием: уж очень он был мало похож на взрослого льва! И всё-таки они смотрели подолгу и внимательно. Потом благодарили и так же осторожно уходили, а на прощание говорили, что когда он вырастет, всё равно меня съест.

Все домашние очень полюбили Кинули. Одна только моя домашняя работница Маша с первого дня невзлюбила львёнка. Ей приходилось целые дни открывать и закрывать двери за посетителями, наводить в комнате чистоту, так как Кинули вносила очень много беспорядка. Наша небольшая комната превратилась не то в ясли, не то в лабораторию: вата, вазелин, борная, соски, клизмочки — словом, всё, что нужно для того, чтобы выкормить младенца.

Кормила я её через каждый час. Как только Кинули просыпалась, я ей давала пузырёк тёплого молока. Пузырёк был крошечный, на две столовые ложки, и кормить Кинули приходилось часто — в день она выпивала молока целый литр. Львёнок перебирал лапками и громко чмокал, высасывая свою порцию.

Возиться со львёнком приходилось круглые сутки.

Когда Кинули спала, вся квартира погружалась в тишину. Все соседи ходили в квартире на цыпочках и разговаривали шопотом, а ребятишки оберегали покой львёнка не хуже взрослых. Не считалась с ним только Маша. Она нарочно гремела кастрюлями и ворчала: «Завели тут всякую дрянь!» А «дрянь» спокойно лежала в чемодане и посасывала пустышку. Она так старательно сосала её даже во сне, что костяным кружочком натёрла себе носик до самого хрящика. Соску пришлось отнять. Но Кинули никак не хотела с ней расставаться, совсем перестала спать, тыкалась всюду носиком, кричала. Пришлось вместо соски давать ей палец. Палец мягкий, носик им не натрёшь.

Ну и досталось же мне в это время! Лежит Кинули, посасывает, а я сижу целый день около неё — отойти нельзя, все дела стоят.

Выручили ребяташки. Пятилетний Толя, Женя, десятилетний Славик, Галя, Юрик устроили около Кинули настоящее дежурство. Они составили даже расписание и давали

ей по очереди сосать пальцы. И всегда грязные руки теперь чисто-начисто вымывались. Ребята очень гордились доверенным им делом и хвалились во дворе обсосанными добела пальцами.

Тем временем я занялась поисками собаки. Одной мне было очень трудно, а собака могла облегчить мою заботу о львёнке. После долгих и упорных поисков я остановилась на Пери. Пери — это шотландская овчарка. Жила она в Зоопарке. Молока у неё не было, но она была очень добрая и послушная: никогда не трогала животных, а однажды даже вскормила дикую австралийскую собаку.

К новому своему подкидышу Пери отнеслась недоверчиво. Он совсем не был похож на тех зверей, с которыми она встречалась. Когда я положила к ней львёнка, собака зары-

чала, старалась удрать. Пришлось держать её силой. Потом Пери привыкла, стала вылизывать львёнка, а это означало, что она усыновила Кинули. Теперь можно было не бояться, что Пери её обидит или бросит. Наоборот, когда подходили чужие, она беспокойно ворчала, оберегая львёнка. В собаке вдруг проснулся материнский инстинкт.

Спала Кинули теперь уже в ящике от гардероба. Ночью я попрежнему клала ей горячие бутылки; кормила уже реже. Львёнок хотя медленно, но рос. Я уже не так боялась за его жизнь: самое опасное время прошло. На работу я ходила урывками. Маша попрежнему сердилась, и, уходя, я оставляла дежурить около львёнка практикантов.

На шестой день у Кинули прорезались глаза: сначала левый глазок, потом правый. Глазки были похожи на щёлки и слезились. Ушки встали торчком, а яркокрасные губы стали розового цвета. Мой запах Кинули знала хорошо и отличала его от других. Пила ли она молоко, спала или лежала около Пери, стоило мне поднести к ней руку, как Кинули всё бросала и ползла ко мне.

Мой сынишка Толя переживал каждое движение львёнка: «Мама, мама, смотри: Мяученька мой палец лижет!», «Мама, она ползёт, повернула головку!» Толя даже обижался, что я называла львёнка Кинули.

— Ведь мы его любим и совсем не кинули, — жаловался он. — Назовём его лучше Мяученька или Синий Глазок.

А глазки у Кинули были действительно синие. Такие синие, что почти не было видно зрачка. Видела Кинули плохо. Идёт по комнате и на всё натывается. Уткнётся головкой в ножку стула, а как обойти её — не знает. Постоит, постоит и повернёт обратно. Ходила Кинули вперевалочку, как утка. Ноги у неё заплетались, и падала она не на бок, а сразу на спину, совсем как заводная игрушка.

Так росла маленькая Кинули.

НЕОБЫКНОВЕННАЯ КВАРТИРАНТКА

Со всех концов Союза я получала каждый день письма. Писали дети, старики, женщины, люди разных специальностей и званий. Присылали конверты с обратным адресом, свои фотографии, стихи, посвящённые Кинули, и все просили написать ответ.

И чего только не писали! Беспокоились, чтобы Кинули нас не съела. Спрашивали, как ведёт себя дома и сколько времени думаю её держать. Просили чаще сообщать о ней по радио и обязательно написать книгу. Находились и такие любители, которые спрашивали, где можно достать на воспитание ещё одного львёнка, а если нельзя, то какого я могу им посоветовать взять зверя.

Сначала я пыталась отвечать на эти письма, потом пришлось отказаться. Писем приходило так много, что наш почтовый ящик перестал их вмещать, а почтальон жаловался, что обслуживает только нас.

Одним словом, бывало так, что я не успевала их даже читать.

Не меньше мучили нас и фоторепортёры. Чуть не каждый день осаждали они мою комнату. И чего только они не снимали! Как Кинули ест, пьёт, спит, как вылизывает её Пери. Они ползали вокруг львёнка на животе, на коленях.

Маша всё ещё ворчала на Кинули, но теперь уже меньше. Она даже стала мне помогать, а однажды вдруг заявила, чтобы я больше не звала практикантов:

— Ребёнка доверила, а за всякую дрянь боишься. Не бойся, не хуже их управлюсь.

И действительно, Маша управлялась не хуже. Так же как когда-то Толю, она в строго назначенное время кормила Кинули. Её посуда блестела, а салфеточки, которыми вытирали львёнка, были всегда выстираны и выглажены. Когда Кинули пила молоко, она упиралась лапками в Машины руки и сильно царапалась. Глубокие царапины оставались на руках Маши, но она не сердилась. Маша даже шила для

неё пелёнки, перестала звать дрянью, а называла головастиком.

Голова у львёнка действительно была большая, ножки короткие, толстые, туловище длинное. Крик Кинули казался сначала всегда одинаковым, но потом я стала замечать разницу. По крику узнавала

настроение львёнка, чего ему хочется, как он себя чувствует.

Однажды Кинули заболела. Я это заметила, когда она была совсем ещё весёлой. Домашние надо мной смеялись, говорили, что я мнительная, что мне это кажется. Но я оказалась права. На другой день Кинули лежала пластом и не ела. Проболела она десять дней. Всё это время я почти не спала по ночам, поминутно вскакивала, прислушивалась к дыханию больной, согревала её горячими бутылками.

Утром осторожно стучались в комнату соседи, спрашивали о здоровье львёнка.

Когда Кинули поправилась и подросла, я стала пускать её по всей квартире. Она спокойно разгуливала по коридору, ванной, кухне, и все тридцать человек жильцов осторожно ходили по коридору, чтобы не наступить на львёнка. Кинули всех жильцов знала. У неё были даже свои симпатии и антипатии: одних любила и ходила к ним в гости, ласкалась, а на других шипела, особенно на Марию Фёдоровну. Возможно, потому, что у неё громкий, резкий голос и львёнка она боялась. Всё-таки лев ведь, страшно! А звери это чувствуют. Узнавала Кинули жильцов и по шагам. Одна жилища уехала, когда львёнок был совсем маленьким. Вернулась, когда ему исполнилось два месяца. Услышав её

шаги, Кинули насторожилась, крадучись, беспокойно шевеля ушами, подошла к двери и долго прислушивалась.

Меня Кинули узнавала по голосу, по шагам, по запаху: только я входила в комнату, бросалась навстречу, ласкалась.

Она любила играть в салки, футбол, прятки. Бывало станут ребята у дверей и шепчут в замочную скважину: «Кинули! Иди сюда, Кинули!» А Кинули словно понимает — и к двери. Встанет на задние лапки, передней за ручку тянет, откроет — и была такова. А в коридоре никого нет: попрятались ребята. Ходит Кинули, ищет их. Ищет в тёмной ванной, за дверями, в передней. Везде посмотрит. Найдёт и спрячется сама. Самое её любимое место было за шкафом. Место узкое, тесное, в нём и уместиться трудно. Знают ребята, где Кинули, да найти сразу нельзя — обидится: уйдёт и больше играть не будет. Ходят ребята, посмеиваются, делают вид, что найти не могут. Друг друга спрашивают: «Где Кинули? Куда делась Кинули?» И так до тех пор, пока она не выскочит сама.

Самой интересной игрой была охота на льва. Придумал её приятель сына — Юра. Ребята выходили в коридор и делились на две партии. Одна в одном конце, другая — в другом, а посередине — Кинули. Притаится, ждёт. Вот Юра бежит

быстро-быстро мимо львёнка. Прыгнет Кинули, словно кошка на мышь. Поймает за ноги — значит, охотник убит, задела — ранен, а ушёл — проиграла сама. Только проигрывала она редко, а как стала побольше — не проскочит никто, обязательно поймают.

Весело было Кинули с ребятишками. Зато как скучала она, когда разъехались ребята летом по дачам! Уехали и Толя с Машей. С дороги Толя писал: «Дорогая мама, не знаю, как быть: ехать дальше или вернуться обратно, потому что скучаю без Кинули». Скучала и Кинули. Она привыкла целые дни возиться, играть. Теперь же я уходила на работу, и она оставалась одна. Тогда я решила взять её в товарищи рысёнка.

ТАСКА

Как и Кинули, Таска родилась в Зоопарке. Её мать, большая жёлтая рысь, живёт там и сейчас. Первые два месяца она заботливо ухаживала за своими малышами: вылизывала их шкурки, кормила, а если кто-нибудь из посетителей слишком близко подходил к решётке, бросалась на них. Росли рысята хорошо. Они уже начали есть мясо, вылезали из домика, играли. В такие минуты около клетки собиралось много народу. Всем хотелось посмотреть на игры зверюшек, подойти поближе, и, возможно, поэтому их стала таскать мать. В неволе с дикими животными это случается часто. Их беспокоит всё: люди, шум. Они стараются унести, спрятать детёнышей, берут в зубы и начинают таскать.

То же случилось и с рысью. Она взяла рысёнка и всё бегала с ним по клетке. Напрасно кричал и вырывался малыш — ничто не помогало. Не помогли и крики публики. Когда прибежали служители, уже было поздно: рысёнок лежал мертвый, а рысь таскала другого. С большим трудом отняли его у матери.

Нелегко отделался рысёнок от следов материнских зубов: передняя лапка его была сломана, а повреждённый глаз затянуло плёнкой. Из всех оставшихся рысят он был самый слабый — такой маленький, худой, скучный. Спрячется в домик и сидит там целый день.

Рысёнок был настолько плох, что я решила взять его домой. На другой же день я попросила разрешения у директора, завернула малыша в халат и повезла. Приехала, поднимаюсь по лестнице, волнуясь: как-то мой муж Шура нас встретит? Отпираю дверь, вхожу в комнату, а Шура на меня смотрит, да так подозрительно. Вынимаю я рысёнка, а Шура как закричит:

— Это что за гадость? Тебе что, льва мало? Или завтра ещё слона приведёшь?

Тут уж я не стерпела:

— Во-первых, это не гадость, а рысь. Во-вторых, была бы комната больше, и слона бы привела.

Ничего не ответил Шура, только рукой махнул и вышел. Впрочем, он тут же вернулся. Сердиться долго Шура не умел.

Мы посадили рысёнка в ящик, поставили туда блюдечко с молоком, положили мяса и закрыли ящик досками. Жильцам о новом питомце ничего не сказали: к Кинули они привыкли, любили, а кто знает, как они отнесутся к рыси?

Долго не мог уснуть в этот день Шура. Всё о рысях расспрашивал. Потом заявил, что рысёнка возьмёт себе. Сам назовёт его, сам будет ухаживать, приручать — конечно, если я не обманываю и если это действительно рысь. Утром вскочил чуть свет и помчался к своему детищу. Вернулся он очень разочарованный. Маленькая рысь оказалась совсем не такой ласковой, как он думал. За ночь она обгрызла весь ящик, разлила молоко, а мясо лежало нетронутым. Когда Шура просунул руку, чтобы приласкать рысёнка, тот забился в угол и заворчал. Не лучше обстояло дело и с именем. Оказалось, что его придумать труднее, чем критиковать то, которое хотела дать я. Спорили долго и горячо. Шура хотел назвать рысёнка Муркой, Муськой, а я — Таскали, потому что его таскала мать. Помирились на Таске. «Северяночка Таска». И, окончательно побеждённый, Шура не протестовал.

НЕУДАЧНОЕ ЗНАКОМСТВО

Ящик с незнакомыми звуками и запахами сильно заинтересовал Кинули. Она даже стала хуже есть. Ходила вокруг ящика, вынюхивала, а когда я поднимала доски, чтобы поставить корм, Кинули старалась туда заглянуть. Кинули была много больше рысёнка. Я боялась, что она сделает ему больно, и оттягивала их знакомство. Но опасения оказались напрасными.

Однажды я забыла закрыть ящик. Не успела я отойти, а Кинули уж тут как тут! Приподнялась, в ящик заглядывает. Испугался рысёнок, в угол спрятался, заворчал. А Кинули хоть бы что, она и внимания не обращает. Рысёнок фыркал, шипел, ворчал, а она всё продолжала лезть. Тогда, доведённый до отчаяния, с круглыми от ужаса глазами, рысёнок вдруг прыгнул и всеми четырьмя лапами и зубами вцепился львёнку в морду. Я никогда не видела столько ярости: он рвал, царапал и кусал Кинули, как дикая кошка. А Кинули?

Она даже не сопротивлялась. С рёвом выскочила из комнаты и без оглядки помчалась по коридору. Опомнилась она уже в кухне. Ходила из угла в угол, била хвостом и нервно мяукала. А рысёнок опять забился в ящик и сидел, как будто ничего не случилось.

К вечеру привезли клетку и посадили в неё рысёнка. Новое помещение Таске не понравилось. В ящике она могла уйти в тёмный угол, спрятаться от людей, здесь же была вся на виду. Таска грызла зубами решётку, старалась разорвать её и выйти, всю ночь громко и резко кричала. Утром жильцы вышли из своих комнат с головной болью. Спрашивали, какой у меня ещё завёлся зверь; требовали, чтобы не мешал им спать.

Следующую ночь Таска кричала ещё сильнее. Даже на улице было слышно. Чтобы заглушить звуки, пришлось накрыть клетку ковром, потом ещё добавить одеяло, матрац, подушки, словом — всю мою постель. И всё-таки

мне утром опять попало. Тогда я перевела рысёнка на балкон. На балконе было спокойнее, реже ходили люди, но Таска боялась. Вздрагивала от каждого шороха, звука, старалась спрятаться, а если чистили клетку, кидалась на руки, царапалась, кусалась.

Чего только я не делала, чтобы приручить дикарку! Кормила из рук, проводила с ней всё свободное время, а когда уходила, нарочно включала радио, чтобы Таска привыкла к незнакомым звукам.

Скоро она стала меньше пугаться, не бросалась на протянутую к ней руку и даже позволяла себя трогать.

НА СВОБОДЕ

Мы решили выпустить Таску. Что-то будет? Никто не знал, что станет делать трёхмесячная дикарка, попавшая из клетки Зоопарка в дом. Выйдет и спрячется или начнёт метаться, искать выхода? Мы очень волновались. У меня даже руки дрожали, когда я открывала клетку. Но вот открыта дверца, мы с Шурой отошли в сторону, ждём. Сидит Таска, не шелохнётся, только взгляд стал острее да подобралась вся как-то. Потом потянулась, встала и крадучись подошла к дверце. Долго не решалась Таска перешагнуть порог. То одну лапу протягивала, то другую, прислушивалась, осматривалась. Даже смешно было смотреть со стороны. Тут бы выскочить, убежать! А она всё медлила. Я уже хотела её выгнать, когда вдруг Таска сделала первый шаг. Сделала — и отскочила. Можно было подумать, что мягкая лапка коснулась раскалённой печки, а не ковра, — так испугалась Таска. Всё здесь было для неё ново, страшно. Она осторожно сделала несколько шагов по ковру и остановилась. Дальше шёл паркет — блестящий, скользкий, незнакомый. Несколько раз Таска вступала на него и отскакивала обратно. Она была необыкновенно осторожна, эта маленькая рысь. Можно было подумать, что

662483

она находится в дремучем лесу, а не в комнате, и что её за каждым углом поджидает опасность.

Освоилась она не скоро. Но свобода сделала своё дело, и скоро Таску нельзя было узнать.

И куда она только не лазила! Казалось, не было места,

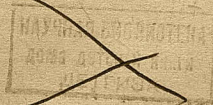
1702

недоступного ей. Она прыгала по шкафам, залезала на картины, а однажды ухитрилась вылезть из форточки на карниз соседнего окна. Одним словом, вела себя так, словно жила не в комнате, а в лесу.

Скоро она перегнала по росту своих братьев в Зоопарке. Лапки у неё стали красивыми, прямыми, глазки прояснились, а шкурка блестела чистотой. Даже характер, и тот изменился. Бывало войду в комнату, а она фыркнет — и под шкаф. Теперь же бежала навстречу, тёрлась о ноги и мурлыкала. Мурлыкала совсем как кошка, только громче.

Кормила я её манной кашей, яйцами, воробьями. А как она любила воробьёв! Это было самое любимое её кушанье. Таска хорошо знала то время, когда их получала. Уже заранее беспокоилась, вертелась у двери, кричала, а как толь-

ко я входила, бросалась к ногам, на лету ловила брошенного ей воробья, ловко подхватывала сперва лапкой, потом зубами и всегда уносила под шкаф.

Любила Таска и поиграть. Прежде чем съесть кусочек мяса или воробья, она обязательно с ним играла: бросала или гоняла перед собой передними лапами, и ей, верно, казалось, что кусочек живой.

Таска подолгу оставалась одна, но заметно искала общества. Бегала за мной и Шурой, как собачонка, а когда мы уходили — тонко и резко кричала. Теперь это был уже не прежний, потерявший мать и озлобленный зверёк, а маленькая рысь, и, как все малыши, она нуждалась в товарище.

НЕ СОШЛИСЬ ХАРАКТЕРАМИ

Кинули вошла в комнату так, словно рысёнка в ней никогда и не было. Прямой, уверенной походкой прошла на ковёр и легла. Помня первое неудавшееся знакомство, кончившееся дракой, я на всякий случай приготовила тряпку, но тряпка не понадобилась. Из-под шкафа выглядывала круглая плутоватая мордашка Таски, и глазёнки, совсем не злые, с любопытством следили за львёнком. Интересно они держались, эти похожие и в то же время разные звери. Лежит Кинули, только глазами поводит, а Таска то мимо пробежит, то лапкой ударит, а шелохнётся львёнок — она сразу под шкаф.

С этих пор я стала пускать их вместе каждый день. Ки-

нули, видно, обиду ещё помнила. Держалась так, как будто не замечала рысёнка, а рысёнок хотел познакомиться ближе. Но познакомились они не скоро. Много прошло дней, прежде чем начали мои питомцы играть. Сначала осторожно, не дотрагиваясь друг до друга, на расстоянии. Выскочит Таска из-под шкафа, словно ураган налетит на львёнка, вот-вот, кажется, сшибёт, но в последний момент останавливается, мурлычет. Звук был очень тихий и напоминал отрывистое «гм». Обозначал он ласковый окрик. Таким звуком мать переключается со своими детёнышами, а Таска предупреждала Кинули, что не хочет ей сделать больно.

Часто, наблюдая за своими питомцами, я приглядывалась к их движениям, прислушивалась к звукам, старалась их понять, разобраться в них. Иногда мне это удавалось.

Почему так шумно подбегала к львёнку Таска? Почему обязательно со стороны морды? Может быть, она иначе не может? Нет, лапки Таски умеют скользить тихо, неслышно для самого тонкого слуха, и на врага нападает она сзади. Но ведь это не враг! Это и не товарищ. Они ещё мало знакомы друг с другом, не доверяют. Львёнок может испугаться, ударить, надо его предупредить. И Таска предупреждает. А я сижу, смотрю и думаю: «Пригодятся эти наблюдения в жизни. Если нужно будет познакомиться со зверем, поступлю так же». Да, иногда есть чему поучиться и у животных! Я продолжаю наблюдать, продолжаю учиться.

С каждым днём они подходили друг к другу всё смелее и ближе. Играли обычно так: Таска нападала на Кинули. Ловкая и подвижная, она прыгала вокруг львёнка, как резиновый мяч. Близко-близко. И вдруг однажды не рассчитала: подпрыгнула — да прямо на Кинку. Впрочем, нет. Я знаю Таску: промахнуться она не могла. Сколько раз, когда я катала футбольный мяч, спрыгивала она на него со стола! Ещё в воздухе широко расставляла лапки, и не было случая, чтобы не рассчитала прыжка. А тут не рассчитала! Да, я уверена, что она сделала это нарочно... А как они испуга-

лись! Как будто обожглись — отскочили друг от друга. Глазёнки сразу стали испуганными, круглыми, злыми. Думала я, что сейчас подерутся. Но зверушки постояли, успокоились и стали играть. Держались они теперь свободней. Иногда кто-нибудь из них как будто нечаянно задевал другого — оба настороженно замирали, пытливо смотрели друг на друга и снова продолжали игру.

Так началось их знакомство. Знакомство, но не дружба, потому что характерами они так и не сошлись.

Я чувствую, мой читатель удивлён. Звери — и вдруг не сошлись характерами! Да разве это может быть? Да, может! Я знала много зверей совсем разных, они уживались вместе.

В Зоопарке было четыре волка, жили они с козой; вместе ели, играли, спали. Между собой они иногда дрались, но с козой — никогда. А вот Кинули с Таской не сошлись характерами.

Кинули — спокойная, даже немного вялая. Она любила повозиться, но так, чтобы было за что ухватиться, помять, побороться. Рассердить её было очень трудно, а помириться ещё трудней. Надолго запоминала Кинули обиду. Уйдёт бывало и не подходит. По нескольку дней злилась. А вот Таска — нет. Таска вспыхнет, бросится, укусит — и всё прошло... Она была полна всяких неожиданностей.

Никто никогда не мог сказать, что сделает она в следующую минуту и даже секунду.

В противоположность Кинули, Таска не любила и ласкаться. Правда, они всё-таки играли между собой хорошо, но друг друга понимали плохо, и из-за этого происходили частые ссоры.

Однажды я дала Таске воробья. Таска его схватила, отнесла и положила около Кинули. Перед едой она хотела поиграть. Но Кинули намёка не поняла. Если дают корм, то, значит, его нужно съесть. Она взяла воробья, поудобней улеглась и принялась за завтрак. Услышав хруст костей, Таска заволновалась. Вся её острая фигурка выражала

удивление. В чём дело? Почему так случилось? Ведь она принесла воробья поиграть! Таска бегала вокруг Кинки, заглядывала ей в рот, прислушивалась к хрусту. Попробовала даже взять обратно, но Кинули прижала уши и так рывкнула, что Таска отскочила. Глаза стали сразу злые, неприятные. Я схватилась за тряпку, и во-время. Обиду Таска не стерпела. Она вся как-то взъерошилась и с похо-

жим на собачье рычание звуком бросилась на Кинули. Пришлось мне вмешаться.

А в другой раз как-то Кинули лежала на диване, хвост её свесился вниз. Таска приняла его за бахрому дивана и больно укусила. Опять ссора. И так бывало по нескольку раз в день.

ВМЕСТЕ ТЕСНО, ВРОЗЬ СКУЧНО

Виновницей всегда была Таска. Покою львёнку не даёт: то за хвост дёрнет, то прыгать вокруг начнёт. Закружится бедная Кинули, под стул заберётся, а Таска уже сверху её лапой достать старается. Иногда Кинули обижалась и уходила к себе. Следом прибегала Таска. В комнату, где находилась Кинули, Таска входила не сразу. Сначала появлялась её тень — узкая, длинная, потом острое ухо, круглый глаз. Затем всё это скрывалось, а через несколько минут Таска выпрыгивала на середину комнаты и как ни в чём не бывало издавала приветливое «гм».

У себя в комнате Кинули держалась смелее. Она не боялась так рысёнка, не жалась по углам, а если Таска слишком приставала, не стеснялась дать ей оплеуху. Такое отношение Таске заметно не нравилось. Плутовка старалась заманить к себе львёнка. И чего она только не проделывала!

Иногда, наигравшись, она делала вид, что уходит. Поднимала столбиком куцый хвостик и решительно направлялась из комнаты. Кинули бросалась за ней. Забегала вперёд, стараясь задержать рысёнка. А маленькая плутовка манила её к своей двери, и всё это затем, чтобы лишний раз поцарапать. Приходилось разнимать их тряпкой. Загоняли в комнату рысь, уводили Кинули. Тогда они сучали. Таска царапалась в дверь, грызла её острыми зубками и так кричала, что было слышно на улице. Крик Таски заметно волновал Кинули. Она ходила по комнате, прислушивалась, просилась обратно к Таске. Я пускала их вместе, и вскоре опять начиналась драка.

СМЕРТЬ ТАСКИ

С каждым днём всё труднее и труднее становилось держать Таску. Она грызла и рвала всё, что попадало. Везде прыгала, пачкала, лазила. Мы уже давно убрали всё, что было возможно, и всё-таки это не мешало ей грызть ножки и спинки стульев, рвать диван, и даже резные украшения этажерки носили следы её острых зубов. Пришлось подумать о перемещении Таски в Зоопарк. Шура сначала не соглашался, просил оставить её, а отдать Кинули. Но когда Таска разорвала новую занавеску и ухитрилась напачкать на картину, он согласился её отдать.

В Зоопарке ей приготовили клетку. Клетка была большая, просторная. Её вымыли, посыпали песком, а чтобы было где Таске попрыгать, поставили большой сук. Вскоре за ней должна была приехать служительница, чтобы отвезти в Зоопарк. Но отвезти Таску не пришлось.

Утром, когда я вошла в комнату, Таска не бросилась, как обычно, мне навстречу, не откликнулась, когда я её позвала. Таски не было.

В комнате было непривычно тихо. Так тихо, что я испугалась. «Не прыгнула ли в окно?» мелькнуло у меня в голове. Я сделала несколько шагов и... увидела: неестественно свернувшись в клубок, лежала около дивана Таска. Голова её откинулась назад, и плотным кольцом вокруг шеи обвилась бахрама. Задохнулась ли она в бахrome, нечаянно зацепив её, пробегая мимо, или играя, — не знаю, но так внезапно оборвалась коротенькая жизнь маленькой Таски.

ОПЯТЬ ОДНА

Кинули, оставшись одна, сильно скучала. Не с кем было повозиться, не с кем поиграть. Кинули просилась к Таске, кричала, ходила около закрытой двери и буквально

долбила её лбом. Но в комнату я её не пускала. Нужно было прежде вымыть, убрать, проветрить. Опять поставили статуэтки, повесили занавески, гардины, и комната приняла свой прежний, уютный вид. Ничто не напоминало в ней Таску, кроме большой фотографии рыси. И всё-таки я не могла забыть Таску. Когда заходила в комнату, всё представлялась её длинная, узкая тень. Помнила её и Кинули. Через три недели пустила я её в первый раз в комнату. Кинули влетела так, словно не было этих трёх недель, как будто за каждым углом её поджидала Таска. Но Таски не было. Кинули искала её под шкафом, столом, кроватью. Искала везде, где только мог спрятаться рысёнок, но так и не нашла.

Кинули осталась одна. Она потеряла подругу и затосковала: плохо ела, весь день лежала, уткнувшись головой в лапы, и вставала очень редко.

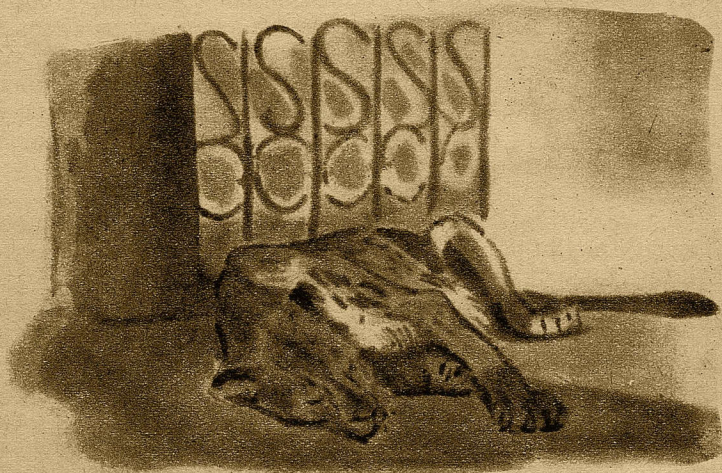
Мы всячески старались её развлечь. Купили новый мяч, игрушки. Соседка пожертвовала старые туфли, а сосед даже притащил свой патефон. Патефон он купил недавно, берёт, не давал трогать жене, а тут вдруг принёс львёнку. Лев и патефон — это не совсем обычно. Кинули испугалась, когда он заиграл. Вся сжалась, забралась в самый дальний угол и никак не хотела подходить. Но любопытство взяло верх.

Долго разглядывал львёнок незнакомый ему предмет. Ходил кругом, обнюхивал. Отнёсся к нему, как к живому существу, и пробовал напугать. Подойдёт, рыкнет, лапкой ударит об пол и ждёт — испугается патефон или нет. Но патефон не пугался, не убегал и попрежнему оставался на месте. Кинули успокоилась.

Интересно было наблюдать, как относилась она к разным мотивам. Определённо их различала. Одни нравились, другие нет. Когда поставили фокстрот «Жизнь», Кинули подошла ближе, легла. Но вот запел мужской голос. Она оглянулась и зашипела. Внимательно прослушала фокстрот «Осень» и убежала, как только запел многоголосый хор.

Хоровые песни ей не нравились, и она всегда убегала от них на балкон.

Балкон был самым любимым местом Кинули. Если её оттуда выгоняли и закрывали дверь, она вставала на задние лапки и передними дёргала до тех пор, пока не откры-

валась дверь. Ещё бы, ведь там было так интересно! Можно было влезть на кресло и смотреть, как бегают во дворе ребята, следить за въезжавшими автомобилями, лошадьми. С высоты третьего этажа всё казалось маленьким-маленьким, гораздо меньше, чем на самом деле. Вот въезжает машина, ну совсем как Толина игрушечная, с которой она привыкла играть. Кинули срывалась с места, бросалась за ней по балкону. Но машина удалялась. Кинули разочарованно смотрела вслед, а внизу уже смеялись ребята: «Э-э-э, Кинули, прозевала!»

Вскоре уехал в отпуск мой брат Вася. Жил он в той же квартире, где и мы. Комната у него большая, светлая, с балконом, и на время мы решили перебраться туда.

Кинули и Пери отнеслись к переезду по-разному. Пери сразу легла под стол и уснула, а Кинули ходила по комнате, всё нюхала, всё высматривала. Наконец успокоилась и легла.

Постелили мы Кинули у двери, но ей там не понравилось, и она устроилась около балкона. Несколько раз я гоняла её оттуда: боялась, что простудится, но Кинули не слушалась, и это место так и осталось её любимым.

Вставала она очень рано, раньше нас.

Мы спали на балконе, и при первом же звуке наших голосов Кинули просилась ко мне: мяукала, цеплялась коготками за выступы двери, подтягивалась, старалась заглянуть в окно. Но помогало это плохо: ещё слабые коготки не держали её, и Кинули падала вниз.

Впрочем, она скоро приспособилась: научилась пододвигать кресло. Кресло было очень тяжёлое, даже я двигала его с трудом, а Кинули догадалась. Отойдёт и с разбегу ударит лапками. Отойдёт — и опять. Пододвинет вплотную, залезет и смотрит. Хорошо, удобно ей на меня смотреть.

Шуру Кинули боялась и, если он лежал на кровати, не лезла. Зато ко мне сразу на постель влезала. Тёрлась о мою голову, ласкалась, приглашала поиграть.

Сколько раз, чтобы подольше полежать, притворялась я спящей! И глаза закрою и сделаю вид, что сплю, — всё равно не поможет.

Притвориться не успеешь, а Кинули уж тут как тут, с кровати тащит. Одно мученье!

Днём, когда балкон заливало солнышко, Пери выходила погреть свои старые косточки, а Кинули — посмотреть на публику, принять солнечную ванну. Ложились она на

самом припёке, обязательно животом вверх, а голову прятала в тень.

Когда тень передвигалась, двигалась вместе с ней и Кинули. Лежала долго, по нескольку часов, и я очень радовалась, потому что солнышко полезно и для звериных ребят.

Я теперь ходила на службу. Прибегала домой только во время перерыва, чтобы накормить Кинули.

Ещё в тот момент, когда я вставляла в замочную скважину ключ, узнавала она, что это я. Встречала меня в дверях: прыгала, ласкалась, тёрлась головой. Иногда ложилась у ног, обнимала их лапами и лизала. Она даже ревновала меня к Пери. Ни за что не подпустит и погладить её не даст. Только я руку протяну, а Кинули — между нами! Пери была собака выдержанная, умная и всегда уступала. Повиляет хвостом издали и отойдёт. А вот Кинули — нет. Она и есть не станет, если не погладишь её. Бывало на работу торопиться, время перерыва кончается, а тут изволь вот: ласкай да поглаживай. Потом решила: чем мучиться мне так, договорюсь-ка я с соседкой Ксенией Степановной, чтобы без меня поглядывала она за Кинули.

Ксении Степановне было семьдесят шесть лет, её звали все бабушкой. Звала её так и я. Старушка она была тихая, добрая, всем всегда поможет, удружит. Недаром её все любили. Привязалась к ней скоро и Кинули. Уже на второй день, как только бабушка садилась на стул, Кинули лезла к ней на колени, заигрывала. Случалось, что нечаянно рвала чулок или фартук, но бабушка не сердилась. Даже больше: скрывала от меня — вдруг да попадёт её любимице! Очень полюбила она Кинули. И молока лишний раз даст и посуду хорошо помоеет.

И всё-таки, уходя на работу, я волновалась. Вдруг Кинули уронит что-нибудь тяжёлое на себя или дверь откроет, на балкон выйдет и разобьётся! Прутья на балконе редкие, ещё провалится! Уходя, я по нескольку раз прове-

ряла дверь, закрыта ли она. Помню, как однажды испугалась. Вхожу в комнату, а Кинули нет, и дверь на балкон открыта. Руки, ноги у меня задрожали, и вниз посмотреть боюсь — вдруг Кинули разбитая лежит там! А она, оказывается, притаилась за дверью. Видно, в прятки поиграть захотелось, да не надолго терпенья хватило: повернулась я спиной, а она как прыгнет ко мне, тычется мордочкой, ласкается.

После этого мы затянули балкон сеткой.

Словно по часам, знала Кинули время моего прихода с работы. Волновалась, прислушивалась, ждала. Из-за неё я и съездить никуда не могла. Поехала как-то на дачу, приезжаю дня через два, а дома переполох: Кинули два дня не ела. Зато как она обрадовалась мне! Целый день от себя не отпускала. Я к двери — и Кинули за мной. За ноги схватит и держит. Смотрит бабушка и головой качает:

— Эх, озорная ты, озорная, всё бы за мамку цеплялась!

Да как же не цепляться, если без меня и повозиться не с кем! Раньше хоть с ребятами, а теперь они разъехались и ей скучно. Правда, оставалась ещё Пери, но Пери в игроки не годилась: круглые сутки под столом спала. Уж Кинули её лапой оттуда за хвост пробовала тянуть! Тащит, пыхтит, а Пери повернётся на другой бок и опять спит.

ПРОГУЛКИ

Когда Кинули исполнилось три месяца, я решила выводить её на прогулки. Сшила из ремня ошейник шлейкой, чтобы было удобнее водить, и надела на неё. Я никак не думала, что Кинка моя так разозлится, когда ошейник хотя и слабо, но стянул шею. Она рывкнула, рванулась вперёд, потом вцепилась в ремень зубами, стала его дёргать, а чем больше дёргала, тем сильнее он стягивал шею. Ки-

нули обезумела. Каталась по земле, рычала, била лапами. С большим трудом мне удалось его снять. Уже без ошейника, она долго металась по комнате и никак не могла успокоиться. Через час я надела ошейник опять. Осторожно почёсывая ей брюшко, тихонько застегнула пряжку. Кинка попробовала освободиться, но застёгнутая шлейка беспокоила меньше, и она утихомирилась. Через несколько минут Кинули, Пери и я вышли на улицу.

Ну и испугалась же Кинка! Из окна нашей комнаты всё казалось таким маленьким, далёким, а теперь всё большое, страшное. От испуга бедняжка сначала притихла, потом стала вырываться, царапаться, кричать. Она старалась освободиться, вырваться, убежать домой, ложилась на спину, не хотела идти или вдруг бросалась в сторону и тащила за собой меня. Чтобы не пугать и без того перепуганную Кинули, я старалась дать ей больше свободы. Шла, куда тянула меня Кинули, успокаивала её ласками. Не меньше хлопотала и Перй. Умная собака старалась по-своему помочь. Тихонько, не забегая вперёд, шла она около львёнка бок о бок, как будто на привязи, а если Кинули слишком волновалась или останавливалась, заботливо лизала ей морду, подталкивала носом.

Так постепенно, изо дня в день приучали мы Кинули к прогулкам. Со двора я вела её домой через улицу. До ворот она доходила смело, но выйти на улицу боялась. Начинала волноваться, мяукать, рвалась обратно во двор.

Конечно, можно было с ней пройти домой прямо со двора, не выходя на улицу. Но я нарочно вела её улицей: пусть, думаю, привыкает к шуму, к людям и не растёт такой дикаркой. Скоро Кинули привыкла к уличному шуму и ходила совсем смело. Она шла со мною, как большая послушная собака. Шла так спокойно, что даже не каждый прохожий обращал на неё внимание.

Зато сколько поднималось переполоху, если кто-нибудь узнавал в ней льва! В одно мгновение нас окружала толпа. Поднимался шум, крики, останавливалось всё движе-

ние. Шофёры, вагоновожатые бросали свои машины, трамваи, такси и бежали смотреть Кинули. Всем было интересно увидеть на улице льва. Выручал обычно милиционер. Он появлялся неизвестно откуда, расталкивал толпу, пробирался к нам и, насмотревшись вдоволь на невиданного зверя, приступал к исполнению своих прямых обязанностей. Но разогнать любопытных оказывалось делом нелёгким. Приходилось нас прятать в какой-нибудь подъезд, и только тогда восстанавливалось движение.

Случалось, что во время прогулок нам попадались собаки. Вели они себя все по-разному. Одни бросались к Кинули и злобно лаяли, другие сразу убегали, но все одинаково боялись её тронуть.

Как-то раз мы встретили женщину с болонкой. Это была маленькая курносая собачка на коротких ножках, с длинной шелковистой шёрсткой. На шее у неё был большой голубой бант. Она важно шла впереди своей хозяйки по другой стороне улицы.

Но вот собака увидела Кинули. Наверное, она приняла льва за большую собаку, зарычала, остановилась и вдруг с яростным лаем сорвалась и бросилась на Кинули. В том, что перед ней не собака, она разобралась слишком поздно.

Бедная маленькая болоночка! Что с ней случилось! Куда делся её боевой задор! С выпученными от ужаса глазами и тонким лаем, перешедшим в визг, налетела она по инерции на Кинули. Упала, но тут же вскочила и бросилась бежать. С поджатым хвостом мчалась она по середине улицы, а за ней, напрасно стараясь её догнать, бежала хозяйка.

Долго и удивлённо смотрела Кинули вслед мелькавшему голубому банту, пока он не скрылся где-то за поворотом улицы, потом лениво повернулась, зевнула и попрежнему медленно и степенно продолжала свою прогулку.

Гуляла Кинули недолго. Пройдёт час-полтора, и она уже просится домой. Дверь нашего парадного входа знала

Кинули хорошо. Знала и нашу квартиру. Быстро избегала по лестнице, царапалась в дверь.

После прогулки Кинули лучше ела. Давала я ей на завтрак яйца. Кинули сама приносила в зубах свою миску и давала мне в руки. Я разбивала в миску яйца и ставила её Кинули. Пери тоже получала завтрак. Они устраивались рядышком и ели каждая из своей миски. Кинули кон-

чала раньше. Своим шершавым, как тёрка, языком она тщательно вылизывала пустую посуду, но ни разу не пыталась отнять еду у Пери. Собака ела медленно и долго. Окончив, так же медленно подходила к львёнку и вылизывала его вымазанную яйцом мордашку. Потом обе ложились спать. Ложились рядышком, прижавшись друг к другу.

ЧЕТВЕРОНОГАЯ АРТИСТКА

Часто спрашивали меня знакомые и незнакомые люди, снимают Кинули или нет.

— Вы знаете, — говорили они, — это, может быть, единственный случай воспитания и содержания львёнка в комнате. Как жаль, что его не снимают в кино!

Жалела, конечно, и я. Было так много интересного, так хотелось бы всё это заснять. Но фотоаппарата у меня не было, а заснять на киноплёнку — я не знала, кого просить. Случай подвернулся сам. В Зоопарке режиссёр Союзтехфильма снимал картину. Называлась она «Собаки и волки». Вот он-то и узнал, что у меня дома живёт лев, и предложил его снять.

Нужно ли говорить о том, что я с радостью согласилась!

В выходной день приехал режиссёр с оператором снимать. Привезли аппарат, треножник, какой-то ящик. Нагружённые с головы до ног, появились они первый раз в нашей квартире. Разгрузились и отправились представляться «артистке».

Кинули встретила новых людей недоверчиво. Долго обнюхивала одежду и ноги пришельцев, прежде чем дала себя тронуть. Но снимать её в этот день не пришлось. Чтобы Кинули держалась просто и не пугалась, нужно было дать ей сначала привыкнуть к новым людям. И вот, просиживая часами на полу, подманивая её кусочками мяса, оператор и режиссёр старались завоевать доверие четвероногой артистки.

Это было трудно, очень трудно. При мне Кинули не обращала на них внимания, без меня не подходила близко и даже не брала из чужих рук кусочки мяса. И всё-таки они своего добились. Кинули перестала дичиться, и можно было начинать съёмку.

Аппарат приготовили заранее. Поставили и загородили его стульями, завесили одеялом. Туда же спрятался оператор. Иначе нельзя: Кинули хоть и ручная, а осторожность у неё, как у дикого зверя. Пустили Кинули с Пери. Пери была нужна для спокойствия, без неё Кинули не смогли бы снять. По ходу картины Кинули должна была спокойно лежать на диване. На диван она прыгнула охотно, но как только затрещал аппарат, встрепелась. И тут начались мучения. Кинули ни за что не хотела сниматься: пугалась звука аппарата и убегала. Ничто не помогало — ни окрики, ни ласки. Нужно было как-то заглушить пугавший её треск аппарата.

Но как это сделать? Тут я вспомнила, как нравилась Кинули музыка, как лежала она часами около патефона и ни на что не обращала внимания.

Так мы и сделали: поставили у аппарата патефон, и музыка заглушала его треск. Знакомые звуки танцевальной музыки не пугали Кинули. Она чувствовала себя прекрасно: играла, ела, пила, лежала на диване и делала всё, что от неё требовали. Оператор был в восторге. Он снимал, а режиссёр заводил патефон и менял пластинки.

Солнца в комнате было мало, а снимать без солнца нельзя. Бывало уходит солнце, и мы со столами, стульями

и артисткой за ним двигаемся. А тут ещё то Кинули не так легла, то аппарат не так поставлен... Горе одно, да и только! Не лучше было и с Пери. Кинули хоть под музыку снималась, а Пери — никак. Однажды снимали её с магнием и сильно напугали вспышкой. С тех пор, как увидит Пери аппарат, повалится на спину, закроет глаза и лежит как мёртвая, не шелохнётся.

Однако хоть и медленно, но дело подвигалось вперёд. Сняли Кинули за едой, сняли игру её с Пери. Сняли, как несёт она свою мисочку, как пьёт из соски молоко. Сняли, как гуляет на дворе и играет с ребятами.

М И Р

В начале сентября с Юга вернулись Толя, Маша и Вася. Мы переехали опять в свою комнату, хотели взять и Кинули, но не тут-то было! Она так привыкла к Васиной комнате, что ни за что не хотела переселяться. Придёт, поиграет и обратно просится, в дверь царапается, кричит. Пришлось просить Васю оставить Кинули у себя. Вася согласился. Животных он любил и против львёнка ничего не имел. Зато львёнок был против. Уж очень Кинули мужчин не любила! А тут мужчина в комнату к ней переехал. Комнату Кинули считала своей. Неожиданным приездом Вася нарушил её покой, и Кинули крепко его невзлюбила. Выражала она это по-своему.

Её раздражали даже вещи, которые носили запах брата.

В первый же день приезда пострадал чемодан. Вася оставил его на полу и пошёл к нам. Приходит, а чемодан лежит раскрытый, вещи раскиданы. Кинули одну рубашку порвала, другую начала рвать. Хотел отнять Вася, да не вышло. Не отдала Кинули — рычит, лапой по протянутой руке ударить старается и когти выпустила, а когти у неё большие, страшные.

Не лучше было и ночью. Лёг Вася спать, а Кинули вокруг ходит: то одеяло стащит, то подушку — никак спать не даёт. Собрал Вася постель в узел, сел на него и сидит. До утра сидел, а в следующую ночь на стол спать переехал. Но не помогло и это. Захожу я однажды в комнату — и узнать её не могу. Кругом пух, перья летают. На полу разорванная перина лежит, а в углу Кинули последнюю подушку рвёт. Что делать? Придёт Вася, сердиться будет. Скорей схватила я иголку, нитки и давай шить... Зашила скоро, а вот пух-то насилу собрала. Ловлю его по

комнате, в наволочку сую, а он опять вылетает. Измучилась я, а Кинули хоть бы что: бегают за мной, мешают, везде нос суёт. Всё ей интересно.

Чинил как-то брат радио. Поставил на стол и вышел, а Кинули уж тут как тут. Кресло подвинула, на стол влезла и лапой приёмник смахнула. Пришёл Вася, а вместо приёмника одни щепки валяются.

Немало она испортила вещей: пальто разорвала, занавески — ничего оставить нельзя. Бывало Васю к телефону зовут, а он с собой постель тащит. Смеются жильцы: «Что, Вася, выжила квартирантка?» Но Вася на квартирантку не сердился. Он терпеливо и ласково относился к львёнку, старался приручить его. С первого дня полюбил он маленькую злюку. Осторожно, чтобы не испугать, старался лишний раз её погладить, приласкать.

Я нарочно ходила к Кинули реже, а Вася сам за ней ухаживал, сам и кормил её. Недели через две Кинули стала привыкать к нему, уже позволяла себя трогать. Сама, правда, не ласкалась, но не огрызалась. Ласкаться она стала много позже. Сначала просто подходила, ложилась рядом, потом, как будто нечаянно, тёрлась головой о его ноги.

Но вот однажды Вася не пришёл домой. Сильно разволновалась Кинули, бегала по комнатам, мяукала, прислушивалась. Пришёл Вася утром. Ещё в передней услышала его шаги Кинули. Открыла дверь, бросилась ему навстречу, обхватила лапами ноги и долго ласкалась.

Кинули и Вася стали неразлучными друзьями. Вася даже к знакомым перестал ходить, всё свободное время дома просиживал. И чего он не делал, чтобы Кинули позабавить! И в мяч-то с ней играет и в прятки. Прятаться некуда, так он откроет дверцу, спрячется в шкаф и зовёт: «Кинули, где я? Кинули!» Ходит Кинули, прислушивается или тоже притаится где-нибудь и ждёт. Высунет Вася голову, а она уж тут как тут. Прыгнет к нему, лапами обхватит, ласкаться лезет. Вася её и на кресле кататься научил.

Залезет Кинули в кресло, к спинке привалится. Вася по комнате её возит, а она сидит, важная такая, и только по сторонам поглядывает.

В то время Вася работал на заводе. Вставал он рано, в семь часов. Будила его всегда Кинули. Осторожно, не выпуская когтей, тормошила его лапами, лизала волосы, лицо. Язык у неё был шершавый, как тёрка. В том месте, где она им проводила, оставался красный след. И всё-таки Вася терпел. Уходя на работу, не забывал её приласкать.

Так кончилась миром начавшаяся между ними ссора.

ЛЕВ НА УЛИЦЕ

Весь сентябрь стояла плохая погода. Шёл дождь, а солнышко если и появлялось, то только на минуты. Кинули гулять не выводили. Она сидела дома и скучала — не с кем порезвиться и поиграть. Пери почти всё время лежала под столом, а если вылезала, то, как только Кинули начинала к ней приставать, пряталась опять под стол. Но вот наступили долгожданные солнечные дни. Мы решили заснять Кинули на улице.

Встали все в этот день очень рано. Я волновалась. Моё волнение передалось и Кинули. Она отказалась от мяса, беспокоилась, мяукала. В десять часов утра все были в сборе. Пришли режиссёр и оператор. Решено было, что к месту съёмки я, Вася, Кинули и Пери поедem на машине, остальные — на метро.

Такси ждало нас во дворе. Шофёр высунулся из машины и помогал оператору поставить аппарат, когда подошла я со львёнком. Шофёр не был предупреждён. Он ожидал всего, но только не такого пассажира. Он вскрикнул, отпрыгнул в угол и быстро захлопнул дверцу. Не дав ему опомниться, Вася открыл другую дверцу, усадил меня, Кинули и Пери, а сам подсел к шофёру. Бледный от страха, шофёр даже не сопротивлялся. Он согнулся над рулём и,

опасливо поглядывая на метавшегося львёнка, осторожно выехал со двора. От непривычного движения и шума мотора Кинули сначала испугалась. Бросалась к окну, к дверце, старалась вырваться, удрать. Потом успокоилась и стала смотреть в окно. Успокоился и шофёр. Всю дорогу он расспрашивал меня про Кинули, про её жизнь дома, про характер, привычки. «Книжку бы написали», посоветовал он. А когда узнал, что пишу, заинтересовался ещё больше.

Так, незаметно, в разговорах, доехали мы до условленного места на улице Кропоткина. Там ещё никого из наших не было, и нам пришлось немного обождать. Кинули спокойно лежала на сиденье. Снаружи её не было видно, и нас никто не беспокоил. Подошёл только один гражданин, чтобы нанять такси, но увидел Кинули и быстро, без оглядки ушёл. Мы вышли из машины, когда приехали остальные и всё было готово к съёмке. Львёнок около метро сразу привлёк внимание прохожих, и через несколько минут мы очутились в плотном кольце любопытных. Появление Кинули на улице произвело настоящий фурор. Остановились трамваи, высовывались кондукторы, вожаемые, выскакивали пассажиры. Бежала со всех сторон детвора.

Но это было ничто по сравнению с тем, что ожидало нас на Петровке.

Не успела остановиться машина, как вокруг собралась толпа. А что делалось, когда мы вышли! Даже милиция и дворники не помогли. В одну минуту запрудила толпа тротуары, улицы. Люди выглядывали из окон, выходили на балконы, а мальчишки залезали на водосточные трубы и кричали: «Лев, лев!»

Остановилось всё движение. Стояли автобусы, такси, автомобили. Шофёры даже не пытались проехать. Неизвестно откуда появились репортёры и фотолюбители. Щёлкали их аппараты, а нам не было никакой возможности заснять Кинули. Четыре раза мы делали вид, что уезжаем,

четыре раза объезжали вокруг переулками и возвращались обратно, и всё-таки ничего не вышло. С большим трудом немного засняли на улице и отправились домой.

На следующий день в газете была заметка. Начиналась она так: «На днях на Петровке можно было наблюдать интересное зрелище — киносъёмку молодой львицы Кинули». Потом следовало описание съёмки. И под конец: «Съёмка Кинули вызвала большой интерес у прохожих. Автомобиль, увозивший Кинули, сопровождали велосипеды, мотоциклы и автомобили, доехавшие до самого дома сотрудницы Зоопарка В. Чаплиной, у которой воспитывается Кинули со дня рождения».

Кинули засняли ещё раз у нашего дома. Но не обошлось благополучно и здесь.

Не успели мы перейти на солнечную сторону, как нас окружила толпа. Затормозил и остановился трамвай. Сзади звонил другой, но вожатый первого не обращал внимания. Подошёл милиционер, но увидел Кинули и остановился сам. Пришлось зайти в парадное и ждать, когда разойдётся публика. Только тогда оператору удалось снять Кинули.

НА ПРАЗДНИКЕ

К октябрьским торжествам картина, где снималась Кинули, была уже готова. На просмотр пригласили всю нашу семью. Пригласили и Кинули с Пери. За это время Кинули несколько раз ездила на машине, поэтому, когда прислали автомобиль, она влезла туда сама. Уселась на сиденье и важно поглядывала по сторонам. А шофёр машину гонит и шею на всякий случай шарфом обмотал: уж очень страшная пассажирка, загрызёт ещё!

Приехали, входим в зал. Публика вся повскакала с мест: «Лев пришёл! Лев пришёл!..» Кричат, волнуются, на стулья встают. Кто из страха, кто чтобы виднее было.

А Кинули хоть бы что. Залезла на диван и улеглась поудобнее.

Но вот погасили свет, затрещал аппарат. Испугалась наша Кинули незнакомого звука, рыкнула, обернулась на шум. Потом глянула на экран, увидела себя и насторожённо замерла. Пери тоже сначала смотрела, потом свернулась клубочком и уснула. А Кинули переживала всё, что видела на экране. Вдруг она увидела свой мяч. Мяч! Не стерпела тут Кинули, с места сорвалась, на экран лезет, любимую игрушку достать лапой старается... Насилу я её уняла. Остальную часть картины смотрела она внимательно, не отрываясь до самого конца, а когда зажгли свет, ещё долго не спускала глаз с полотна. Потом потянулась и сладко-сладко зевнула.

В этот день она спала особенно крепко, а во сне шевелила лапами и вздрагивала. Наверное, ей снился сон, что мяч она всё-таки достала.

На октябрьские праздники её пригласили с Толей на детский утренник.

Не обошлось и тут без происшествий. Когда приехали за Кинули, она оказалась запертой в комнате. Услышав мой голос, как всегда, хотела открыть английский замок лапой, но на этот раз защёлкнула предохранитель. Пришлось ломать дверь.

Встретили ребята Кинули на детском утреннике громким «ура». Кинули страшно испугалась, бросилась назад по лестнице и чуть не сшибла меня с ног. Больших трудов стоило мне ввести её обратно в комнату. Но теперь уже ребята сидели тихо, и Кинули успокоилась. Я села на стул, Кинули и Пери легли рядом, а вокруг устроились дети. Они рассматривали каждый волосок львёнка, его глаза, сильные лапы, полукруглые уши. Кинули держалась на редкость спокойно и даже позволила детям себя трогать. Установилась очередь, и ребята тихонько, ласково гладили пушистую шерсть зверя.

На другой день мы катали Кинули за хорошее поведе-

ние на машине по Москве. Возили по самым интересным улицам, площадям, показывали украшенный по-праздничному город, иллюминацию. Всю дорогу Кинули не отрываясь смотрела в окно. В одном месте нашу машину обгоняла другая. Сидели в ней иностранцы. Увидев львицу, они долго ехали рядом и всё старались объяснить знаками, что они знают Кинули.

Приехали домой мы поздно. Ещё в дороге Кинули начала волноваться, и не успела машина остановиться у подъезда, как, открыв лапой дверцу, Кинули бросилась домой. Пери и я едва поспевали за ней. Мне казалось, что Пери не меньше меня удивлена таким поспешным бегством своей питомицы. А питомица, как сумасшедшая, уже ворвалась в квартиру, чуть не сшибла в коридоре жилицу, вбежала в комнату и... уселась в свой песок.

Всё объяснилось. Она была слишком чистоплотна, чтобы напачкать в машине.

БОЛЬНАЯ

Осенью Кинули заболела. Болела она долго и тяжело. Лежала такая скучная, ничего не ела, а когда пробовала встать, начинался припадок. Кинули падала на пол, билась в судорогах и громко рычала от боли. Успокаивалась только тогда, когда её обогревали электрической печкой. Кинули поворачивалась к ней то одной стороной, то другой и даже ухитрялась пододвигать её к себе лапой, не обжигаясь. И всё-таки с каждым днём Кинули становилось всё хуже и хуже.

Пригласили врача. Долго не решался он войти в комнату к львице. «Уж очень больная-то страшная, всё-таки зверь ведь, вдруг бросится!» Пришлось перегораживать комнату стульями. Вошёл врач и сразу около шкафа спрятался. А Кинули, совсем больная, ни на кого не обращала внимания. Даже глаза не открыла. Лежала на боку и тя-

жело, с хрипом дышала. Врач издала с опаской посмотрел на неё и посоветовал дать касторки. Он даже от денег отказался и поспешил уйти.

Мы приглашали и других врачей. Каждый советовал разное, но все они говорили одно: Кинули всё равно не выживет.

О том, что Кинули больна, писали даже в газетах. Сколько писем я получила тогда, сколько вопросов, советов! Больше писали детишки: «Как здоровье Кинули?», «Поправится ли она?», «Что сказали врачи?»... Многие приезжали на квартиру проводить её. Совсем незнакомые люди вместе с нами переживали её болезнь. Даже во дворе ребята не так шумели в это время. Часто можно было слышать, как останавливали они слишком шумливого в игре товарища; поминутно бегали к нам и спрашивались о здоровье Кинули. Приходилось каждое утро сообщать с балкона о её самочувствии.

Чего мы только не делали, чтобы спасти львёнка! Дежурили постоянно. Я забыла, что такое сон. От усталости кружилась голова, и всё-таки я не могла уйти отдохнуть. Стоило мне сделать движение к двери, как Кинули тянулась за мной и мяукала так жалобно, как будто выговаривала: «Ма-а-ма!» И каждый раз я возвращалась обратно. Ночи тянулись такие длинные-длинные... В комнате тихо, только слышно тиканье часов да неровное дыхание Кинули.

Целых три недели болела Кинули. Три недели боролась она со смертью. Три недели кормили её насильно. Каких трудов стоило запихать ей в рот кусочек мяса, заставить проглотить! Кинули не хотела есть. Отворачивала голову, выплёвывала. Приходилось её уговаривать. Упрашивали всей семьёй: Вася, Шура и даже маленький Толик.

— Кошечка, съешь! — просили её хором. — Съешь хоть кусочек.

А Толик тихонько добавлял:

— Совсем маленький! Ну что тебе стоит проглотить кусочек?

Не знаю, действовали ли на Кинули уговоры или просто надоедали, только она хотя и мало, но всё-таки ела. Неожиданно нам помогла муха. Это была самая обыкновенная муха. Она проснулась от тепла, жирная и ленивая. Муха питалась около Кинули, нагло ползала у самой морды львицы, грелась около её электрической печки. Кинули ненавидела эту муху.

Стоило той появиться, как Кинули злобно рычала, старалась ударить лапой, а чтобы пища не досталась врагу, тут же поедала куски мяса. Понятно, что мы были очень довольны такой помощницей. Муху берегли и даже ставили ей отдельно корм.

Вскоре Кинули стала поправляться. Правда, медленно. Она попрежнему плохо ела, не могла подняться, но пыталась уже играть. Играла большой деревянной ложкой или мячом. Мяч катала носом, а ложку зажимала между лапами и, лёжа на спине, подолгу держала её перед собой. Трудно сказать, почему ей нравилось играть именно этими предметами.

Стоило сказать «мяч», как у Кинули загорались глаза, а при слове «ложка» она сразу ложилась на спину.

Признаки выздоровления первая заметила Пери. Когда у Кинули начались припадки, собака ее боялась, пряталась под стол, не подходила. А тут она опять перебралась к ней спать, заботливо выискивала блох, лизала ей морду. Когда однажды прибежал к нам в комнату Вася и сказал, что Кинули разорвала его новые брюки и оставленный на столе чертёж, все были очень рады — значит, Кинули поправилась совсем.

КИНУЛИ СТАНОВИТСЯ ВЗРОСЛОЙ

После болезни мы сшили Кинули новый ошейник, и я решила выйти с ней погулять. Я боялась, что после такого большого перерыва она будет слишком пуглива. Но оттого ли, что Кинули выросла и люди не казались ей такими большими и страшными, или оттого, что повзрослела, только держалась она на редкость спокойно и шла по улице не хуже Пери. Зато сколько переполоху наделала она своим появлением на улице! Публика шарахалась в сторону, жалась к домам.

Зашла я с ней во двор. Встретили там Кинули не так, как обычно. Боязливо тянулись к ней руки отдельных храбрецов, а мамыши, подхватив малышей, отбегали в стороны. С улицы в наш маленький садик за нами пришли любопытные. Расспрашивали про Кинули ребят, жильцов дома, окружили нашего управдома. Он даже влез на телегу. Так удобнее было ему рассказывать, какая была Кинули раньше. В публике слышались отдельные возгласы удивления и даже зависти к управдому, что он имеет такого «жильца».

А «жилец» и на самом деле сильно вырос и изменился. Морда у Кинули вытянулась, стала как у взрослой. Отросшие усы придавали ей другое выражение, и только две

маленькие родинки да маленькое пятнышко на носу напоминали прежнюю Кинули. Даже странно было смотреть: неужели это та крошка, которая вся помещалась на ладони! А «крошка» перегнала в росте Пери, едва пролезала под столом и уже не помещалась в кресле.

Несмотря на рост, привычки у неё остались прежние. Так же бурно, как и маленьким котёнком, бросалась она мне навстречу, прыгала на руки, ласкалась. Разница была только в том, что я заранее прислонялась к стене. Иначе нельзя было: от ласк такого «котёночка» я могла свалиться на пол. С необычайной для своих когтей осторожностью играла Кинули моей рукой: забирала всю в пасть, лизала, и не было случая, чтобы она сделала мне больно. Если же увлекалась, то стоило чуть-чуть повысить голос, как сразу отпускала.

Кинули была на редкость чувствительна к интонациям. Ну совсем как собака. Бывало натворит что-нибудь, разобьёт. Услышит Васины шаги — и под стол. Спрячется и ждёт, что дальше будет. Если Вася войдёт злой, начнёт браниться, она оставалась там; а если добрый, то бросалась к нему на грудь, ласкалась или ложилась и тёрлась головой о его ноги. Она очень любила лежать, уткнувшись головой в мои или Васины ноги. Это была её самая любимая поза.

Вечерами, когда все приходили с работы, мы устраивали в Васиной комнате настоящий цирк. По бокам ставили стулья, рассаживали знакомых. На столе, как на более безопасном месте, была ложа, галёрка — впереди. В программу входило: «Лев, играющий в футбол», борьба, катанье на кресле и «Голова в пасти льва». Последний номер считался «особо опасным». Исполнял его Вася. Кинули ложилась на пол; при этом, как и в цирке, замолкал оркестр, который нам заменяло радио. Вася становился на четвереньки, а Кинули, осторожно обнимая лапами, лизала его голову. Это было гвоздём программы, имевшим всегда одинаковый успех. Вася поднимался, я включала

радио, шумно аплодировали зрители, а Вася, кивая облизанной головой, ласково похлопывал Кинули.

Вася очень любил Кинули, и она платила ему тем же: вечно тёрлась о его ноги, ласкалась. Но случилось, что Вася её прогонял. Тогда Кинули обижалась и шла жаловаться на него мне: ложилась и как-то особенно протяжно мяукала.

Она жаловалась и Васе на меня, а если попадало от нас обоих — шла к Пери. За это Вася прозвал её сплетницей и даже нарочно обижал, чтобы Кинули лишней раз пожаловалась. Уж очень забавно у неё это получалось!

Умела Кинули и браниться: квакала, как лягушка, и сразу уходила на место. Приходилось просить прощенья.

— Кинули, кошечка, я не буду! — упрашивал её Вася.

Кинули упрячилась, отворачивалась, но всё-таки в конце концов подходила. Она была на редкость покладиста и ласкова. И мясо не станет есть, пока не приласкают. Зато к посторонним заметно изменилась. Стала огрызаться, а если поворачивались к ней спиной, то кидалась. Начали её побаиваться и жильцы. Особенно после того, как Кинули опрокинула бабушку.

Случилось это совсем неожиданно даже для Кинули. Просто она не рассчитала своей силы. Старушка мыла пол, нагнулась, Кинули прыгнула, и вдруг та упала. Закричала бедная бабушка, а Кинули сама испугалась, рывкнула — да скорей в комнату.

Зато в другой раз Кинули нас выручила.

СЛУЧАЙ С ЖУЛИКОМ

В тот день я вернулась с работы рано. Подхожу к квартире, смотрю, а парадная дверь отперта и Кинули по коридору ходит.

Удивилась я: как же так? Кто же мог её выпустить? Хотя комнату мы не запирали, но все знали, что у нас жи-

вёт лев, и когда из домашних никого не было, туда никто не заходил. «Кто же, — думаю, — Кинули выпустил?» Захожу в комнату и вижу: на шкафу какой-то незнакомый мужчина сидит. Лицо всё красными пятнами покрыто, глаза по сторонам бегают, а сам дрожит, как в лихорадке.

К нам часто приходили незнакомые люди посмотреть льва, часто готовы были от страха залезть на шкаф, и поэтому я не удивилась чужому человеку. Но на всякий случай спрашиваю:

— Как вы попали сюда, гражданин?

А «гражданин» только зубами стучит от страха:

— Д...д...да меня зверь ваш загнал сюда.

— Ну ладно, — говорю. — Посидели, теперь слезайте.

Да где там слезать! Смотрю, он ещё ближе к стене прижался.

— М..ми...милицию! — просит. — Позовите милицию!

Я ему говорю: «Слезайте», а он твердит своё: «Милицию!» Пришлось его просьбу исполнить и вызвать по телефону милицию. Приехала милиция. Не успели милиционеры войти в дверь, как мой «гражданин» прямо к ним бросился. За них прячется, просит, чтобы забрали его скорей.

Прошло несколько дней. Я успела уже забыть об этом случае, как вдруг в одной московской газете появилась заметка.

Напечатана она была в отделе происшествий и подробно описывала случай с жуликом.

В заметке было сказано так:

«В своё время мы уже сообщали о том, что заведующая отделом молодняка Московского зоопарка В. В. Чаплина воспитывает у себя на квартире (приводится адрес) львёнка Кинули.

Ныне Кинули — красивая молодая львица, ростом с доброго дога. Она свободно открывает двери комнат лапой, притягивая к себе дверную ручку, а когда проголодается, приходит на кухню, держа в зубах свою миску.

На-днях, вернувшись домой с работы, В. В. Чаплина обнаружила, что Кинули очень возбуждена. Она лежала на пороге своей комнаты и озлобленно била хвостом по полу. Её кожа нервно подёргивалась. При этом львица смотрела куда-то вверх. Проследив за этим взглядом, т. Чаплина увидела на высоком шкафу незнакомого мужчину. От страха он весь дрожал и дико озирался по сторонам.

Ни за что не желая покинуть своё убежище, незнакомец поведал свою историю. Он забрался в дом, чтобы совершить кражу, спокойно обошёл комнаты пустой квартиры и наконец открыл дверь комнаты, где была Кинули. И только тогда, когда вор был посередине комнаты, он заметил, что находится в обществе львицы.

Преступник невольно попятился к двери, но Кинули уже преградила дорогу и грозным рыком загнала его на стол, куда затем забралась и сама. Тогда незадачливый домушник вскарабкался на шкаф и просидел там более двух часов, старательно охраняемый грозным зверем».

Газета с этой заметкой вышла очень рано, и я ещё спала, когда меня разбудил телефонный звонок. Я взяла трубку. Говорил какой-то знакомый голос:

— Вера Васильевна? Вы живы?

— Жива, — отвечаю. — А в чём дело?

— Как в чём? Разве вы газету не читали? Нет? Так прочтите. Там написано, как к вам жулик забрался, а Кинули его на шкаф загнала и чуть не съела. Мы с женой очень беспокоились, решили проверить ваше здоровье и позвонили.

Пришлось мне повторить всю историю с начала до конца, но не успела я повесить трубку, как опять раздался звонок. Одним словом, желающих узнать, что со мной случилось, оказалось так много, что я не успевала отойти от телефона, как опять раздавался звонок. Звонили сослуживцы, родственники, знакомые и незнакомые люди, неизвестно откуда узнавшие мой телефон.

Телефон звонил не переставая. Измученные квартиранты сердились, перестали брать трубку, а я через два часа такой пытки убежала из дому.

Но не помогло и это.

Все знакомые, которых я встречала, все сослуживцы считали своим долгом расспросить меня про историю с жуликом. Это продолжалось до тех пор, пока я не стала бегать от них.

Помню, это был какой-то сумасшедший день. Измученная, голодная и охрипшая, возвращалась я вечером домой, мечтая об отдыхе.

Однако дома отдохнуть не пришлось. Наша комната напоминала какой-то проходной двор. Дверь была открыта, Кинули привязана. Вася с Шурой что-то объясняли, а рядом с ними толпились какие-то незнакомые люди, разглядывали шкаф, Кинули, охали, ахали и просили показать ещё меня.

Тогда я тихонько, пока не обратили на меня внимания, вышла из дому и уехала на дачу, к подруге. Я была согласна, чтобы жулик ограбил всю квартиру, унёс все вещи, лишь бы не испытывать тех мучений, которые мне пришлось испытать. Но этим днём мои мучения не кончились. В газете ведь была указана не только моя фамилия, но и адрес, где я живу.

По адресу посыпался поток писем, появились новые посетители. С утра до вечера Маша открывала им двери, показывала Кинули. Днём ещё было терпимо, а вечером ни поработать, ни поесть, ни отдохнуть — только и успеваешь открывать да закрывать двери. Маша даже ворчать устала и уже всех безропотно водила к Кинули. Бывало откроет дверь и, даже не выслушав, к кому и зачем человек пришёл, прямо к Кинули ведёт. Один раз по ошибке какую-то старушку затащила. Так та, как увидела льва, сразу в обморок упала — пришлось «помощь на дому» вызывать.

Одним словом, нам не стало житья от посетителей. Вы-

ручила нас сама Кинули. Она имела привычку обнюхивать вошедшему ноги. Или ещё делала так: обнимала посетителя за ноги лапами и тихонько трогала зубами. Зубы у Кинули большие, страшные, а ведь не мог же знать чужой человек, укусит она его или нет. Пожмётся бедняга, пожмётся и скорей откланяется. Кто знает, а вдруг да укусит зверь — всё-таки лев, настоящий, он и разорвать человека может! Так постепенно всё меньше и меньше заходило к нам любителей посмотреть на льва.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Рано утром меня будит звонок. Я вскакиваю с постели, накидываю халат и спешу открыть дверь. Кто же это может быть? Почему так рано?

Но вот дверь открыта. Передо мной стоит почтальон. Он ласково ухмыляется и протягивает мне письмо. На конверте аккуратно выведено детской рукой: «Москва, Большая Дмитровка, *Кинули Чаплиной*». Сначала я ничего не могу понять. Нет ни номера дома, ни квартиры, а потом, почему Кинули Чаплиной, а не прямо мне? Странно! И вдруг вспоминаю: сегодня 20 апреля. Кинули исполнился год, и маленькие доброжелатели торопятся поздравить свою любимицу с днём рождения. От этого мне становится очень весело. Я смеюсь, смеётся и почтальон. Уходя, он просит передать Кинули поздравление и от него, а спускаясь по лестнице, долго кивает мне головой.

Когда я вбежала в комнату к Васе, Кинули ещё спала. Вставала она, правда, рано, вместе с Васей, но как только он уходил на работу, ложилась опять. Вот и сейчас: Пери уже ласкается, а Кинули не собирается вставать.

— Кинули! — кричу я. — Кинули, лентяйка! Ведь сегодня твой день рождения, тебе исполнился год, а ты валяешься!

Кинули лениво потянулась и зевнула. «Встать или

нет?» — казалось, говорили её сонные, полузакрытые глаза. Но тут ко мне подошла Пери, и Кинули сразу вскочила. Ей не нравилось, если ласкали кого-нибудь, кроме неё. И, ревниво отталкивая собаку, она тёрлась о мои ноги.

В этот день было много хлопот. Во-первых, купить продукты, приготовить специально для Кинули обед из любимых ею блюд, а самое главное — купить большой футбольный мяч. Подарить Кинули мячик придумал Толя. Он давно накопил денег, а тут, как назло, в самый последний момент мячей в магазинах не оказалось. Пришлось ехать искать.

К вечеру всё уже было готово. Стоял накрытый стол, Маша жаривала котлеты, а на диване лежали купленные для Кинули подарки. Среди них — новая миска, заводной автомобиль и три больших, крепко надутых, словно готовых лопнуть, мяча: один Толин, два других прислали с поздравлениями незнакомые нам люди.

Скоро пришли гости.

Обедала в этот день Кинули с нами. Сидела на диване и осторожно лакала из миски лапшу. Миска стояла на столе. Но Кинули ела так аккуратно, что на белой скатерти не было ни одного пятнышка. Когда Кинули кончила, она вытянула лапу и, тихонько стуча по столу, попросила ещё. Но супу ей больше не дали, потому что в этот день Маша приготовила ей ещё котлеты и яичницу. После обеда прочли специально для Кинули присланные ей письма с поздравлениями. Почти все они были от ребят и начинались так: «Милая Кинули, мы очень тебя любим и поздравляем с днём рождения...»

Сначала Кинули слушала внимательно, потом ей надоело. Уж очень было много писем, да и яичница была съедена уже вся. Кинули соскочила с дивана и... прямо перед собой увидела мячи. Футбольные мячи — жёлтые, новые. Свой старый она разорвала давно. Теперь же одним прыжком рванулась к мячам, схватила их лапами, стараясь удерживать. Мячи отскакивали, а Кинули, годовалая львица,

забыв про всё на свете, гонялась за ними, как малый котёнок. Невозможно было смотреть без смеха на её игру. Мячи разбегались по комнате, закатывались под стулья, столы, диваны. Можно было подумать, что мебель ожила. Всё двигалось, и даже наша кровать, когда закатился под неё мяч, переехала на спине Кинули в другой конец комнаты.

Кинули так разыгралась, что её невозможно было унять. Хотели отнять мячики, но Кинули легла на них, обняла лапами и никак не хотела отдать. Догадалась Маша: она позвала Пери и сделала вид, что хочет вывести её погулять. Кинули сразу бросила мячи и помчалась за собакой. Она не любила оставаться одна.

Сколько было постоянных мучений, когда нужно было вывести собаку погулять! Пери — из комнаты, а Кинули — за ней. Лапой её отталкивает, не пускает. Приходилось хитрить. Я отвлекала Кинули ласками. Вася занимал место у двери, чтобы во-время её закрыть, а Маша хватала Пери и бежала по коридору. Но это удавалось не всегда. Иногда Кинули вырывалась, мчалась за Машей, отнимала Пери и возвращалась на место, волоча за шиворот собаку. Называлось это «похищение Пери». Пери уже привыкла к такому обращению, покорно висела в зубах львицы и не сопротивлялась.

В ЗООПАРКЕ

Незаметно прошла зима, весна, наступило лето, а вместе с этим подошло время отдать Кинули в Зоопарк. И во все не потому, что она нам надоела или мешала. Совсем нет. Даже наоборот: подрастая, Кинули становилась как-то послушнее, смирнее. Лучше, чем когда-нибудь, рассчитывала она силу своей лапы, остроту когтей величиною с палец. Играя, чуть-чуть дотрагивалась лапой, и не было случая, чтобы порвала хотя бы чулок. Не портила и вещи. Теперь Маша свободно оставляла на столе посуду, могла

оставить мясо, и Кинули ничего не трогала. Одним словом, держалась, как большая послушная собака. Не изменились и отношения её к Пери. Для собаки она осталась попрежнему маленьким котёнком. Пери по пятам ходила за Кинули, как и раньше облизывала после еды морду львицы, заступалась за неё, ухаживала. Тем же платила ей и Кинули. Не было случая, чтобы она съела всё мясо, не оставив куска для собаки. Поэтому, когда кормили Кинули, Пери спокойно лежала в стороне. Иногда Кинули вспоминала и про нас. Брала замусоленную, изгрызенную кость, приносила мне или Васе, и старательно пихала грязной костью в лицо, предлагая погрызть гостинец.

Неудивительно, что нам было очень жаль с ней расставаться. А расставаться было нужно. Милиция больше не разрешала держать львицу в квартире: всё-таки большая, народу много — вдруг кого-нибудь порвёт!

И вот в Зоопарке, около площадки молодняка, начали строить для Кинули специальный домик. Когда он был готов, туда поставили стол, стулья, отгородили маленький дворик и большую площадку, где Кинули могла бы резвиться, играть. Наступил и день отъезда. В этот день все встали очень рано. Решили взять Кинули на машине, но никто не знал, как отнесётся она к этому. Ведь теперь это был взрослый, сильный зверь. Приготовиться решили заранее, до приезда машины. Надо было надеть ошейник, проверить крепость ремня, и вот тут-то случилось то, чего никто из нас не ожидал. Не успела я даже поднести ошейник, специально сшитый для переезда, как Кинули рыкнула, выбила его из рук лапой и отскочила. Он был густо смазан дёгтем, и незнакомый запах испугал львицу. Чего мы только не придумывали! Смазывали ремень мясом, маслом — ничего не помогало. Даже когда надели ошейник на Пери и она хотела подойти к Кинули, та не подпустила её к себе. Пришлось срочно бежать за широким бинтом в аптеку и, сложив его в пять раз, сшить шлейку. Шлейку Кинули дала надеть сразу.

В десять часов приехала машина. Шофёр остановил её во дворе, и мы повели Кинули. Бедная кошка! Она так разволновалась, что даже не заметила, как поверх шлейки надела ещё ошейник. Вели втроём — Вася, Шура и я. Впереди шёл Толя с Пери. Ведь если кто-нибудь из нас оставался дома, Кинули не хотела идти.

Сначала она пошла охотно. Вышли из квартиры, спустились вниз, но вдруг, внезапно испугавшись, она кинулась назад. Не выдержал рывка ремень, лопнул, и большая жёлтая львица, как трусишка-котёнок бросилась домой. Сорвать с крючка и открыть дверь было для неё делом минуты, так что, когда мы прибежали, она уже лежала в комнате под столом.

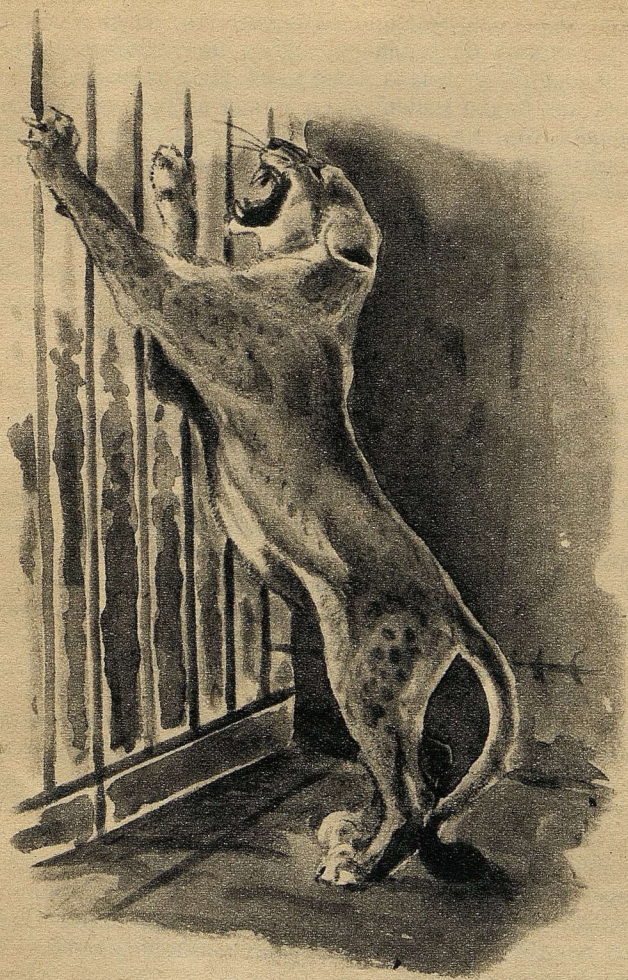
С большим трудом нам удалось её вывести и заманить в машину. Вася, Шура, я, маленький Толя и даже Пери — все залезли в машину. Звали оттуда Кинули, манили. Долго ходила она вокруг и жалобно мяукала, прежде чем решилась войти. Войдя, сразу устроилась на сиденье. Задними лапами придавила Васю, передними устроилась у меня на коленях и всю дорогу лежала спокойно.

В Зоопарке Кинули ждали залитая солнцем площадка и ранние посетители, знавшие о её переезде из газет. Очутившись в новом, незнакомом месте, Кинули растерялась. Прижалась к земле, прятала свою большую голову под Пери и мелко-мелко дрожала.

Эту ночь я провела с ней в клетке. Кинули то беспокоилось по клетке, старалась открыть лапами дверь, то вдруг насторожённо прислушивалась к незнакомым звукам ночного Зоопарка. Так прошла вся ночь... Наступило утро.

Утром я пошла домой. Кинули было рванулась за мной, долго билась головой о решётку и вдруг, поняв, что всё равно не выйти, вся как-то съёжилась и легла.

Долго не поднималась с места и не ела Кинули. Смотрела поверх решётки, за деревья, через дома, заборы, куда-то вдаль ничего не видящими глазами. Всегда живые и

выразительные, они теперь потускнели и напоминали скорее глаза мёртвого, чем живого зверя. Этот взгляд, полный какого-то тупого безразличия, пугал меня больше всего. Она, казалось, не узнавала даже меня. Иногда после долгих уговоров, как будто машинально, брала из рук кусочек мяса. Изредка глотала, а большей частью кусочек повисал между клыками, потом падал, и Кинули даже не поворачивала головы.

На десятый день она начала подниматься. С трудом передвигалась она на ослабевших лапах, но уже начала интересоваться окружающими её животными, людьми. Вся наша семья навещала её каждый день. Как никогда, радовалась Кинули приходу Васи, Шуры, Толи. Тёрлась об их ноги, ласкалась.

Рано утром, когда парк ещё был закрыт, я выводила её на прогулку. Выводила без ошейника. После переезда в Зоопарк Кинули ни за что не давала его на себя надеть. Приходилось выводить без привязи. Ходила она рядом, как большая послушная собака. Зато как удивлялись увидевшие её животные! Насторожённые, готовые сразу умчаться, провожали её испуганным взглядом олени; легко перепрыгивая с камня на камень, исчезало за горой стадо туров, а слонёнок бросился сначала на Кинули, а потом, словно испугавшись собственной храбрости, спрятался за домиком. Кинули проходила мимо и ни на кого и ни на что не обращала внимания.

Около клетки Кинули всегда толпилось много народу. И каких там только не слышала я разговоров! Всем было интересно посмотреть ручного зверя, выросшего среди людей, в квартире. Многие приезжали взглянуть на Кинули из других городов.

Однажды меня спросили, придёт ли сегодня её хозяйка. В это время я убирала в клетке. Мне не хотелось говорить, что хозяйка я. Начнутся опять вопросы, разговоры. Ответив, что придёт, я, в свою очередь, поинтересовалась, зачем она им нужна.

— Да как же, интересно посмотреть, какая она, — сказала одна женщина, стоявшая около самого барьера. — Вот я, например, специально за этим из Харькова приехала!

— Чего же интересного? Такой же человек, как и я.

— Ну нет, — недоверчиво протянула всё та же посетительница. — Вы вот обыкновенный человек, а Чаплина нет. Небось, не всякий держит в комнате льва.

Она хотела сказать что-то ещё, но перебил некстати появившийся репортёр.

— Товарищ Чаплина, я к вам! — крикнул он ещё издали, и все поняли, что я схитрила.

Не успела я выйти, как мигом была окружена толпой. Со всех сторон сыпались вопросы, ахи, охи, а женщина из Харькова, которая говорила, что приехала посмотреть Кинули и её хозяйку, уверяла, что я сразу показалась ей необыкновенной.

Иные посетители терпеливо часами ждали выхода львицы из домика. Многие ходили каждый день, следили за её здоровьем, а когда она лежала больная, я знала, что вместе со мной болеют за неё многие.

Никогда не забуду, как рано утром, не успев открыться Зоопарк, к клетке Кинули прибежали три девочки. Первая, задыхаясь от сильного бега, спросила:

— Как Кинули?

А когда узнала, что поправляется, обернулась к отставшим подругам и весело крикнула им навстречу:

— Кинули поправляется!

Последний раз они видели Кинули больной, очень беспокоились и перед зачётами забежали её навестить.

Были и такие, которых интересовало, скоро ли Кинули съест меня или хотя бы Пери. Если меня почему-либо не было, спрашивали у служителя, не случилось ли чего. Иногда спрашивали меня, не боюсь ли я Кинули, не загрызёт ли она меня. Я отвечала им, что если и загрызёт, то после этого сама издохнет от тоски.

И действительно, оттого, что Кинули жила теперь в клетке, она нисколько не изменила своего отношения к нам. Оставалась попрежнему ласковой, ручной. Так же, как и раньше, по приказанию ложилась, давала себя чесать гребешком, чистить щёткой. Я поднимала её за лапы, переворачивала на бок и даже таскала за хвост. Кинули терпела всё, лишь бы я подольше оставалась с ней в клетке. Иногда, если она не слушалась, я делала вид, что ухожу. Тогда Кинули бросалась за мной, ловила меня лапами и не давала уйти. Большие и острые когти у Кинули, но она никогда не делала ими больно.

Осторожно выбирая из моих пальцев, брала она кусочки мяса, а когда я уходила, подолгу смотрела вслед, потом поднимала голову, и из её пасти вырывался уже настоящий львиный рык.

Прошло лето, наступила зима, стало холодно. Кинули и Пери перевели в зимнее помещение. Кинули теперь уже была совсем большая львица, и её посадили в клетку рядом с другими львами. Около её клетки всегда стояла толпа. Все удивлялись, как это такая большая львица живёт вместе с собакой.

А жили Кинули с Пери действительно дружно. Когда Кинули давали мясо, она всегда оставляла часть своей порции для Пери. А пока собака ела, львица охраняла её и не давала служителю вынимать остатки до тех пор, пока Пери не наестся.

Однажды Пери заболела. Она была очень старая собака, у неё болели ноги, и она не могла подняться. Кинули страшно разволновалась. Почему Пери не встаёт? Почему не ест мясо? Кинули брала в зубы свою огромную порцию мяса, подносила её к Пери, мяукала, старалась приподнять собаку лапой. Но Пери не вставала. Тогда позвали врача. Врач хотел осмотреть Пери, но для этого нужно было её взять из клетки. Оказалось, что это сделать не так просто. Кинули никак не хотела отдавать своего друга: каждый раз, когда хотели брать Пери, она рычала и бросалась на ре-

шётку, как дикая львица. Больших трудов стоило её переманить в другую клетку, и только тогда взяли Пери. Когда Кинули увидела, что Пери взяли, она стала биться о решётку, старалась выскочить из клетки. В этот день Кинули ничего не ела, не притронулась к корму и на следующий день. Стала скучная, вялая, злая и никого к себе не под-

пускала. Она часто ревела, и её рев не раз тревожил жителей Зоопарка.

Слышала его и Пери. Она узнавала голос Кинули среди всех львиных голосов Зоопарка, настораживала свои острые ушки и тихо, совсем тихо скулила. Так прошло два месяца.

За это время Пери поправилась, окрепла и уже совсем хорошо ступала на ноги. Пора было её сажать обратно к Кинули.

Кинули увидела Пери ещё издалека. Насторожила уши и долго, внимательно вглядывалась в неё. А как они обрадовались, когда очутились вместе! Кинули бросилась к Пери, мяукала и так тёрлась головой, что мы думали—она раздавит собаку. А собака, забыв о своих больных ногах

и о своей старости, прыгала, как щенок, вокруг львицы. В этот день Кинули и Пери ели хорошо, а ночью спали, прижавшись друг к другу, и никто больше не слышал тоскующего рёва Кинули.

РАЗЛУКА

Подошёл июнь 1941 года. Началась война. Теперь Зоопарк нельзя было узнать. Словно глубокие морщины, траншеи перерезали гладкие дорожки парка. Дощечки, на которых раньше было указано, как пройти к разным зверям, заменила краткая чёрная надпись на зелёной стрелке: «Убежище». По городу шли учебные тревоги. Звери насторожённо прислушивались к завыванию сирены, волновались, метались по клеткам, кричали.

Особенно волновались львы. Их громкий рык смешивался с гулом первых вражеских самолётов, прорвавшихся к Москве.

В эту первую, памятную ночь никто домой не ушёл, дежурили около зверей, тушили загоревшиеся помещения. К счастью, это были помещения не с животными, а то, вырвись звери на свободу, они могли бы наделать много бед. Надо было немедленно вывозить всех опасных зверей из Москвы.

Из львов решили оставить только одну Кинули. Она была ручная и безопасная, если даже и выскочит из клетки.

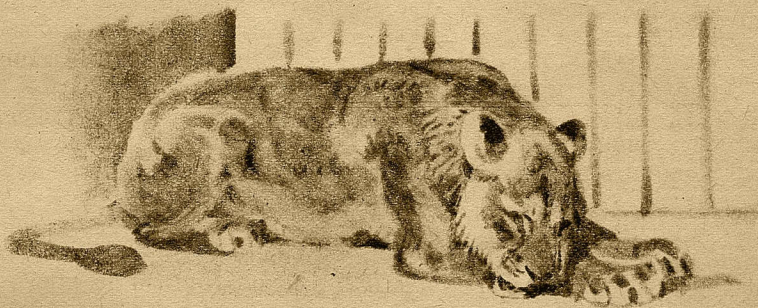
Несмотря на тяжёлое время, ею попрежнему живо интересовались и о ней заботились юные москвичи. Спрашивали, куда её прячут во время бомбёжек, советовали прятать в метро. Остальных зверей отправили в другие зоопарки.

Часть из них отправили в Сталинград, часть — в Свердловск. Осенью я рассталась с Кинули и поехала в Свердловск, где продолжала работать в зоопарке.

Всё свободное время я проводила в госпитале: дежурила, ухаживала за ранеными.

В госпитале скоро узнали, что я работаю в зоопарке.

Нашлись и такие, которые слышали о Кинули. Просили рассказать о ней. Стоило мне приняться за какую-нибудь работу, как начинались просьбы: «Сестрица, расскажите

ещё что-нибудь про львицу!» С такими просьбами приходили и из других палат. Из-за этого даже происходили споры. Те приглашали меня к себе, а моя палата не пускала.

— У вас свои сёстры есть, пусть вам и рассказывают, а нашу не беспокойте, — говорили они.

Даже тяжело раненные интересовались жизнью Кинули, спрашивали, где она находится и что с ней.

В каждом письме из Москвы мне сообщали о Кинули; писали, что она чувствует себя хорошо и что, хотя посетителей в Зоопарке почти не стало, около её клетки всегда кто-нибудь стоит.

Потом написали, что болеет Пери. Потом сообщили, что её не стало и Кинули осталась одна.

Больше писем я не получала.

ВСТРЕЧА

Прошло полтора года.

За это время меня часто спрашивали в Свердловске: узнает меня Кинули после такой большой разлуки или нет? И каждый раз я твёрдо отвечала: да, узнает.

И вот через полтора года я опять в Москве... в Зоопарке. Вот и помещение, где находится Кинули. Она лежала в углу своей клетки и ела мясо. Тут же было несколько посетителей. Я подошла и стала рядом с ними. Стоящий около меня мужчина начал мне рассказывать о Кинули: о том, что она воспитывалась в доме, что он хорошо знает её хозяйку, слышал, как Кинули загнала на шкаф вора, и ещё что-то из её жизни, но что именно — я даже не слушала.

Я стояла рядом с Кинули и не решалась её окликнуть. Совсем не потому, что боялась быть неузнанной, совсем нет! Я ревниво думала: а вдруг Кинули не захочет отойти от мяса, не сразу подойдёт ко мне, не будет так ласкаться, как раньше?

И вот я стою перед клеткой, смотрю на большую жёлтую львицу, на два таких знакомых пятнышка около её носа и совсем тихо, шопотом зову Кинули. Она услышала меня сразу, перестала есть и долго пристально смотрела на меня. Потом встала, сделала несколько нерешительных шагов в мою сторону и остановилась.

Тут уж я не вытерпела:

— Кинули! Кинули! Кошечка!..

Но не успела я произнести эти слова, не успела просунуть к ней в клетку руки, как Кинули бросилась ко мне. Она с такой силой ударилась о решётку, что из носа и губ у неё пошла кровь. Кровь стекала на пол клетки, капала мне на одежду, а Кинули не обращала внимания на боль, всё ласкалась, ласкалась и ласкалась...

Долго пробыла я с Кинули, а когда ушла, уже в конторе меня нашёл служитель львятника.

— Вера Васильевна, к Кинули зайдите, — просил он. — Вся избилась, кричит. Я ей мясо дал, а она не ест, всё на двери смотрит.

Пришлось вернуться. Кинули действительно не ела: то металась по клетке, то вдруг останавливалась, билась о решётку, кричала.

Около её клетки стояла большая толпа посетителей. Все наперебой уговаривали её, старались успокоить, и больше всех старался тот самый мужчина, который уверял всех, что хорошо знает хозяйку львицы.

Как только Кинули меня увидела, она бросилась сначала ко мне, потом к мясу. Схватила его в зубы и всё старалась просунуть его ко мне сквозь решётку.

Мне очень хотелось зайти в клетку и приласкать Кинули, но сделать это без разрешения администрации было нельзя.

Позволили мне зайти к Кинули только через несколько дней, и то с условием соблюдения всяких предосторожностей. Для этого Кинули ещё с утра перегнали в наружную клетку львятника. На всякий случай принесли крейцера — железные прутья, верёвочные петли, брандспойты, включили воду.

Одним словом, когда я пришла, вокруг клетки лежали всякие приспособления, а бедная Кинули в страхе металась по клетке.

Несмотря на ранний час, собралось немало любопытных. Среди них были фоторепортёры. Слово из ружей, нацелились они на меня своими «зеркалами» и «лейками», готовые каждую минуту щёлкнуть затвором, чтобы запечатлеть нашу встречу.

Но тут уж пришёл конец терпению Кинули. Не успела я приоткрыть дверцу клетки, как Кинули рванулась к ней и уже наполовину высунулась из дверцы, но я схватила её за шиворот и с трудом затолкала обратно. Потом мне рассказывали, что всех фоторепортёров в эту минуту смыло, как дождём, а заодно с ними и всех любителей

острых ощущений. На месте остались только служитель да зоотехник. Только они и были свидетелями того, как ласкалась ко мне Кинули. И всё-таки один снимок моей встречи с Кинули в печати появился.

Теперь уж никто не сомневался в любви и привязанности ко мне Кинули и в том, что она никогда меня не забудет.

~~Прог. 1980~~

~~50411~~

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА~~

Цена 2 руб.

200 =

Для младшего возраста

Ответственный редактор Р. Пикман. Художественный редактор Г. Вебер. Технический редактор В. Голубева. Корректоры Р. Липина и А. Ясиновская.
Сдано в набор 20/XII 1949 г. Подписано к печати 7/II 1950 г. 4¼ п. л. (3,15 уч.-изд. л.). 27 648 зн. в печ. л. Тираж 300 000 экз. А00777. Заказ № 3509.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сущевский вал, 49.